

Д.А. Кузнецов*

ТРАЕКТОРИИ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ В XXI ВЕКЕ

*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный институт международных отношений
(университет)*

*Министерства иностранных дел Российской Федерации»
119454, Москва, пр-т Вернадского, 76*

Регион Латинской Америки и Карибского бассейна (ЛАКБ), включающий более трех десятков государств, традиционно характеризуется крайне сложным переплетением элементов гомогенности и гетерогенности. Внутренняя разнородность, связанная как с экономической дифференциацией, так и с социально-политической и идеологической поляризацией, усиливает региональные противоречия, создает новые разделительные линии. В то же время на рубеже XX–XXI вв. качественно возросла включенность региона в глобальную экономику, глобализационные процессы. Для того чтобы выявить и оценить перспективы дальнейшего развития ситуации в ЛАКБ, в данной статье предпринята попытка проанализировать, как в регионе преломляются ключевые тренды современной мировой политики. В основе статьи лежит методология российского исследователя М.М. Лебедевой, предполагающая выделение трех базовых мегатрендов современности — глобализации, интеграции и демократизации — и их контртрендов: соответственно деглобализации, дезинтеграции и дедемократизации. Именно с позиций сложного переплетения этих мегатрендов и контртрендов в тексте рассматривается динамика региональных процессов в ЛАКБ. На этой основе автор выделяет три сценария развития ситуации в Латинской Америке. Первый предполагает углубление и упрочение институциональных связей Северной, Центральной и Южной Америки на базе панамериканских идей. Второй подразумевает цивилизационное «обособление» ЛАКБ в рамках крупных, но региональных по своему характеру интеграционных структур. Наконец, третий сценарий прогнозируется, исходя из линейного развития нынешних трендов в регионе. Этот вариант связан с дальнейшим дроблением ЛАКБ на субрегиональные объединения, дальнейшей фрагментацией и хаотизацией региональных

* *Кузнецов Денис Андреевич* — преподаватель кафедры мировых политических процессов, сотрудник Центра комплексного Китаеведения и региональных проектов МГИМО МИД России (e-mail: kuznetsov.d.a@my.mgimo.ru).

международных отношений. Автор заключает, что в целом в настоящий момент в регионе преобладают контртренды, что выражается в росте изоляционизма, кризисе интеграционных проектов и демократических институтов, распространении популистских призывов и настроений. В то же время уже сам этот факт указывает на теснейшую вовлеченность Латинской Америки в глобальные экономические и политические процессы, поскольку указанные тренды доминируют и в развитии современной системы международных отношений в целом.

Ключевые слова: Латинская Америка и Карибский бассейн, мегатренды, глобализация, интеграция, демократизация, деглобализация, альтерглобализм, популизм, регионализм, «левый поворот», «правый поворот», ПРОСУР, УНАСУР, МЕРКОСУР, АЛБА.

Исторически регион Латинской Америки и Карибского бассейна (ЛАКБ) был обречен на борьбу с периферийностью, что связано одновременно с факторами как объективного, так и субъективного характера. Латиноамериканская периферийность определена географическим положением региона, удаленностью от центров триады мировой экономики, колониальным прошлым и нахождением в традиционной зоне влияния глобальной державы — США. Вместе с тем такое положение постепенно закрепилося и интеллектуально, так как представители многих известных теоретических направлений и концепций, будь то мир-системная теория, теория зависимости, геополитические концепции, теория модернизации [Wallerstein, 2004; Frank, 1967; *The geography of the peace*, 1944; Rostow, 1991] и многие другие, во многом опирались именно на периферийный характер ЛАКБ для построения и объяснения своей картины мира. Именно в таком положении регион подошел к рубежу XX–XXI вв., и именно этот комплекс условий стал определяющим для понимания его места и потенциала в эволюционирующей к полицентричности мировой системе.

Не менее важным фактором является и внутренняя сложность региона, объединяющего три десятка государств¹ и характеризующегося одновременно признаками гомогенности и гетерогенности. С одной стороны, большинство представленных в ЛАКБ стран — это связанные исторической судьбой, общим языковым и религиозным

¹ Наиболее популярным и обоснованным представляется историко-цивилизационный подход к определению границ региона Латинской Америки и Карибского бассейна (ЛАКБ), протянувшегося от северной границы Мексики до архипелагов на крайнем юге Южно-Американского континента. В статье понятия «Латинская Америка» и ЛАКБ используются синонимично.

пространством общества [Waisbord, 1998]. С другой стороны, продолжает усиливаться внутренняя региональная разнородность, которая обусловлена не только экономической дифференциацией, но также социально-политической и идеологической поляризацией: сосуществование в единой международно-политической региональной ойкумене либеральных демократий и жестких авторитарных систем, левых и правых режимов, растущих мировых экономических центров и слаборазвитых экономик, стран-гигантов и карликовых островных государств создает высокую вероятность внутрирегиональных противоречий, острота которых в действительности нарастает.

Тем не менее именно рубеж XX–XXI вв. стал принципиально новым и стратегически важным этапом в развитии ЛАКБ и в процессе усиления региона в мировой политике. При этом один из ключевых исследовательских вопросов, ответ на который поможет более предметно обозначить контуры новой роли региона, может быть сформулирован следующим образом: как в ЛАКБ преломляются основные тренды современной мировой политики и к каким трансформациям они ведут? Частично на решение данного непростого вопроса направлено и настоящее исследование.

В науке о международных отношениях и мировой политике не раз предпринимались попытки вычленения базовых мегатрендов современности. К работам такого рода можно отнести монографии и статьи Дж. Нейсбитта, Н.С. Розова, Б. Швенкера и Б. Раффела, Э.Я. Баталова, Т.А. Шаклеиной и А.А. Байкова, Х. Аллахара [Naisbitt, 1988; Розов, 1992; Мегатренды..., 2014; Allahar, 2014] и др. Однако, несмотря на несомненную эвристическую ценность данных работ для выделения ключевых глобальных трендов, различные подходы авторов (а соответственно и результаты исследований) не позволяют решить несколько принципиальных проблем и вызывают ряд вопросов: можно ли охватить в обосновании мегатрендов все сферы — политику, экономику, демографию и т.д.? Если да, то как определить их взаимовлияние и иерархию (порождается ли одна тенденция другой)? Как предсказывать треки развития мегатрендов и могут ли они преломляться в различных региональных подсистемах? На самом деле, зачастую именно попытки определить глобальные тренды мирового развития вообще (а не в отдельных областях) и влекут за собой эти нерешенные вопросы. В частности, оказывается затруднительным применение данных подходов к анализу региональных особенностей развития и соотношения отдельных региональных процессов с глобальными.

Один из последних подходов был разработан российским ученым М.М. Лебедевой, по мнению которой в настоящее время в мире наблюдается усложнение соотношения трех ключевых мегатрендов — глобализации, интеграции и демократизации — с их основными контртрендами: изоляционизмом (деглобализацией), дезинтеграцией и дедемократизацией, причем в последнее время преобладают именно последние три [Лебедева, 2019]². Такой подход представляется одновременно и достаточно обоснованным (так как сосредоточен именно на *мирополитических* трендах и оставляет за скобками тренды в других областях и обусловленные ими тенденции), и обладающим значительным прикладным потенциалом, поскольку позволяет: а) ввиду своей универсальности проводить сравнительные исследования о влиянии данных мегатрендов на различные региональные кластеры и большие социальные группы; б) рассматривать развитие мегатрендов как нелинейный процесс, которому свойственны «откаты» в виде контртрендов, что делает возможным сценарное прогнозирование.

Цель настоящей статьи — выявить, как современные мегатренды преломились в ЛАКБ и к каким глубинным изменениям они привели, а также какие возможные траектории развития региона они обуславливают в новых условиях.

Преодоление периферийности: глобализация и изоляционизм в Латинской Америке

На рубеже веков перед Латинской Америкой встала задача встроиться в глобализационные процессы. Активизации региона в этом направлении способствовали ряд факторов:

²Глобализация понимается как результат транснационализации, т.е. постепенного размывания национальных границ в процессе интенсификации транснациональных потоков и процессов, в то время как деглобализация означает — на практике — усиление изоляционистских тенденций в результате конкретных политических решений на национальном уровне (закрытие границ, выход из международных организаций, ограничение миграции, протекционизм, критика глобализации и т.д.). Интеграция понимается как процесс институционализации сотрудничества между государствами на основе межгосударственных соглашений в конкретных областях международного взаимодействия. Дезинтеграция соответственно проявляется в намеренном разрушении интеграционных объединений, выходе из многосторонних интеграционных групп или в сужении их функций. Демократизация мировой политики есть результат не только увеличения числа демократических государств, но и роста влияния негосударственных и гибридных акторов, а также возникновения новых переговорных площадок. В процессе же массового «отката» от демократизации на национальном уровне, в дискредитации международных режимов и распространении практики односторонних действий наблюдается обратное явление — дедемократизация.

1) интенсивно развивающийся регион не мог остаться в стороне от усложняющейся системы мирового разделения труда, развития информационно-коммуникационных технологий и расширения глобальных инфраструктурно-логистических связей;

2) на фоне ослабления американского влияния в ЛАКБ в результате переориентации США на другие региональные подсистемы сформировался своеобразный вакуум лидерства, заполнить который стремились уже региональные державы, нацеленные на сотрудничество с внешними игроками;

3) распространение интеграционных практик в ЛАКБ обусловило необходимость поиска партнеров вне региональных границ, прежде всего для наиболее продвинутых групп, таких как МЕРКОСУР³ или Тихоокеанский альянс;

4) активное проникновение в ЛАКБ экономических гигантов — ЕС и Китая — способствовало не только появлению альтернативных рынков и партнеров, но и превращению региона в «метополе» – пространство срединного положения между центрами триады: Северной Америкой, Восточной Азией и Западной Европой [Сударев, 2016];

5) распространение практики многосторонней дипломатии и институтов глобального управления потребовало и более активного участия от региона, где по-прежнему актуальны транснациональные угрозы, справиться с которыми на национальном и даже региональном уровнях затруднительно;

6) в результате активизации институтов гражданского общества и парадипломатии в ходе масштабной демократизации сформировалось понимание, что глобализация может содержать в себе источники роста и развития (ранее в регионе, когда у власти оставались консервативные силы, в целом преобладало осторожное или даже негативное отношение к глобализации, способной привести к размыванию традиционных ценностей и новым экономическим шокам [Theodore, 2015]).

Так или иначе, расширение и углубление глобализации на рубеже XX–XXI вв. не могли не отразиться на месте ЛАКБ в мировой политике, хотя эта включенность в глобализационные процессы и была в регионе неоднородной. В наиболее авторитетном индексе глобализации, разработанном Швейцарским экономическим институтом (KOF Swiss Economic Institute) на основе взвешенного

³ МЕРКОСУР (Mercado Común del Sur, MERCOSUR) — торгово-экономический союз стран Южной Америки.

индекса политической, экономической, социальной и культурной глобализации, наивысшую строчку в 2017 г. заняло Чили (лишь 40-е место). Крупные региональные державы, такие как Бразилия, Мексика и Аргентина, расположились на 73-м, 70-м и 84-м местах соответственно⁴. В рейтинге «Elcano Global Presence Index 2018», призванном оценить степень вовлеченности в глобальные процессы, совокупный показатель ЛАКБ среди регионов мира — предпоследняя, пятая строчка (ему уступает лишь Африка); лидерами по странам при этом стали Бразилия (18-е место), Мексика (24-е) и Чили (37-е)⁵. Такие результаты говорят преимущественно о сохранении регионом своей периферийности, однако ряд факторов свидетельствуют и об усилении его глобального присутствия.

В первую очередь это связано с активизацией внешней политики Бразилии в начале XXI в. Об этом свидетельствуют ее претензии на место постоянного члена Совета Безопасности ООН, создание ИБСА⁶ и БРИКС⁷, вхождение в «Группу двадцати» (G20) и т.д. Важную роль сыграли и попытки Бразилии закрепить свой статус регионального лидера, что было достигнуто как путем создания макрорегиональных структур по ее проекту (УНАСУР⁸), так и благодаря оппонированию инициативам США по формированию Панамериканской зоны свободной торговли (Free Trade Area of the Americas, ФТАА) и усилению Организации американских государств (ОАГ). Таким образом, Бразилия стала своеобразными «глобализационными воротами» ЛАКБ. На субрегиональном уровне активизацию глобального участия также переживали Аргентина, Мексика и Чили [Latin America at a crossroads, 2017].

⁴ 2017 KOF index of Globalization // KOF Swiss Economic Institute. Available at: https://www.ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/dual/kof-dam/documents/Globalization/rankings_2017.pdf (accessed: 04.01.2020).

⁵ Данный индекс является взвешенным и учитывает три фактора «глобально-го присутствия»: место в мировой экономике, военно-политический потенциал и ресурсы «мягкой силы». Индекс ЛАКБ — 514,5; Африки — 350,7; Европы (1-е место) — 4887,1; Азиатско-Тихоокеанского региона (3-е место) — 3058,3. См.: Elcano Global Presence Index // Real Instituto ELCANO. Available at: <https://explora.globalpresence.realinstitutoelcano.org/en/ranking/iepg/global/2018/2012/BR,MX/BR/2> (accessed: 04.01.2020).

⁶ IBSA — трансрегиональное объединение стран глобального Юга, в которое вошли Индия, Бразилия и ЮАР.

⁷ BRICS — трансрегиональное объединение государств — лидеров развивающегося мира: Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР.

⁸ УНАСУР (Unión de Naciones Suramericanas, UNASUR) – Союз южноамериканских наций.

Как известно, глобализация как процесс транснационализации и размывания границ не может продвигаться лишь государственными усилиями, направленными в основном на поиск эффективной ниши в глобальной стратификации⁹, а требует активного участия негосударственных и гибридных акторов (прежде всего городов и внутригосударственных регионов). Одним из наиболее известных глобальных индексов, с помощью которого оценивается вовлеченность субнациональных единиц в процесс глобализации, является индекс «Глобализация и глобальные города». Так, в три группы топовых глобальных городов («Альфа») входят Сан-Паулу (Бразилия), Мехико (Мексика), Буэнос-Айрес (Аргентина), Сантьяго (Чили) и Богота (Колумбия)¹⁰. В другом авторитетном индексе — «Индекс глобальных городов» консалтингового агентства А.Т. Карни — такой статус был присвоен лишь столице Аргентины¹¹. Свою активность на региональном и глобальном уровнях города и внутригосударственные регионы Латинской Америки проявляют в деятельности объединения городов МЕРКОСУР — Mercociudades, Форума породненных городов и муниципальных образований БРИКС, Совета регионов БРИКС. Менее значимую, но все же растущую роль в мировой экономике играет и крупный бизнес ЛАКБ. Усиливаются и другие, некоммерческие транснациональные акторы, деятельность которых охватывает широкий спектр целей: от борьбы с нищетой и социальной поляризацией (InLATINA Iniciativa Latinoamericana или Red Latinoamericana de Juventudes Rurales¹²) до движений за

⁹ Буторина О. Пределы глобализации. Вызовы для экономической науки: Доклад на общем собрании Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН 12 ноября 2018 года // Институт Европы РАН. 2018. Доступ: <http://www.instituteofeurope.ru/images/news/112018/121118.pdf> (дата обращения: 04.01.2020).

¹⁰ Индекс разрабатывается в Университете Лафборо. См.: Globalization and world cities index 2018 // Loughborough University. Available at: <https://www.lboro.ac.uk/gawc/world2018t.html> (accessed: 10.01.2020).

¹¹ 2019 Global cities report // Kearney. 2020. Available at: <https://www. Kearney.com/global-cities/2019> (accessed: 10.01.2020).

¹² Негосударственная организация «InLATINA Iniciativa Latinoamericana» объединяет представителей активной молодежи из стран Латинской Америки в целях разработки программ совершенствования системы образования, здравоохранения для молодежи, повышения роли молодых людей в политике. Задачи молодежного движения «Red Latinoamericana de Juventudes Rurales» сосредоточены на решении проблем сельской молодежи, нищеты и социальной поляризации. См.: Latin America & the Caribbean: International NGOs // Youth Policy Portal. Available at: <https://www.youthpolicy.org/mappings/regionalyouthscenes/latinamerica/actors/nongovernmental/> (accessed: 12.01.2020).

политическое единство макрорегиона в рамках макрорегиональных структур (We the People are UNASUR¹³).

Еще одним признаком глобализационной активности ЛАКБ является встраивание как отдельных государств, так и целого региона в трансрегиональную архитектуру мира. Во-первых, хотя и с некоторым торможением, связанным сначала с переориентацией Соединенными Штатами своей внешней политики на другие регионы, а затем с фактически изоляционистским курсом Д. Трампа, продолжает свое развитие североамериканское направление. С 2012 г. функционирует Тихоокеанский альянс (Мексика, Колумбия, Перу, Чили, Коста-Рика), нацеленный в том числе на углубленное сотрудничество с США. Три из этих государств — Мексика, Перу и Чили — подключились к проекту Транстихоокеанского партнерства. Во-вторых, новый стимул получают евро-латиноамериканские связи. Об этом свидетельствуют как дальнейшее развитие иберо-американских саммитов, так и заключение соглашения о создании зоны свободной торговли между ЕС и МЕРКОСУР в 2019 г.¹⁴ — потенциально крупнейшей ЗСТ в мире. В-третьих, расширяется сотрудничество с государствами и организациями Азиатско-Тихоокеанского региона: это и взаимодействие в рамках Восточноазиатско-латиноамериканского форума (ВАЗЛАФ¹⁵), и подключение стран тихоокеанского побережья ЛАКБ к китайской инициативе «Пояса и пути» [Myers, 2018]. Проникновение Китая в Латинскую Америку усиливается: он стремится не только к удовлетворению своих инвестиционных и экспортных интересов, но и к получению доступа к изобилию сравнительно дешевых природных ресурсов ЛАКБ. С начала XXI в. товарооборот между Китаем и странами Латинской Америки вырос в несколько раз, а для отдельных государств (Перу, Чили) Китай превратился в основного торгового партнера [Атаев, 2012]. Расширяются связи интеграционных объединений ЛАКБ с другими государствами:

¹³ В условиях кризиса макрорегиональной структуры — УНАСУР — представители нескольких десятков национальных и международных неправительственных организаций слились в движении с неформальным названием «We the people are UNASUR» за сохранение организации. См.: Peoples movements declare, 'We the people are UNASUR' // Peoples Dispatch. 02.08.2018. Available at: <https://peoplesdispatch.org/2018/08/02/peoples-movements-declare-we-the-people-are-unasur/> (accessed: 10.01.2020).

¹⁴ EU-Mercosur trade agreement: The Agreement in Principle and its texts // European Commission. 2019. Available at: <https://trade.ec.europa.eu/doclib/press/index.cfm?id=2048> (accessed: 10.01.2020).

¹⁵ ВАЗЛАФ (The Forum for East Asia-Latin America Cooperation, FEALAC) – Восточноазиатско-латиноамериканский форум.

Россией, Израилем, Индией, Ираном и др. [Латинская Америка в современной мировой политике, 2009].

Однако было бы слишком оптимистично утверждать о преодолении Латинской Америкой барьеров для участия в глобализации и извлечения из нее выгод. В начале 2000-х годов проявление в регионе контртренда – деглобализации – усилилось. По-прежнему в ЛАКБ существует множество проблем, которые в значительной мере ограничивают возможности как отдельных государств региона, так и их коллективные усилия по проведению активной глобальной политики и способствуют росту антиглобалистских настроений. Среди таких вызовов — колоссальное неравенство и межстрановые диспропорции, активность транснациональных преступных и экстремистских образований, наличие замороженных межгосударственных споров, обострение которых способно сформировать новые разделительные линии в регионе.

Крах неолиберальной модели развития и программ по либеральным рыночным реформам, ставший причиной «левого поворота» в регионе на рубеже XX–XXI вв., был воспринят и как проявление несовершенства либеральной модели глобализации, невозможности экспорта либеральных экономических моделей в Латинскую Америку. Глобализация стала зачастую восприниматься как управляемый процесс, сопряженный с распространением либеральной экономической модели, принципов Вашингтонского консенсуса и чуждой традиционной для ЛАКБ культуры [Haslam, 2012; Охеда Кальюни, 2007]. В 1990-е годы это стало причиной роста анти- и альтерглобализма в регионе: крупнейшее альтерглобалистское движение сформировалось именно в ЛАКБ — Континентальный социальный альянс, который охватил почти 300 организаций и движений [Пятаков, 2007]. Выступления анти- и альтерглобалистов стали характерными для региона как в период формирования Североамериканской зоны свободной торговли (НАФТА¹⁶), продвижения инициативы ФТАА, так и во время проведения глобальных и макрорегиональных форумов и мероприятий (например, Саммитов Америк). Антиглобализм как полное неприятие глобализации был взят на вооружение и многочисленными радикальными и повстанческими движениями в регионе [Голубев, 2006]. Альтерглобалистская риторика стала обыденной также среди политических лидеров ЛАКБ, прежде всего в странах «левого поворота», что легло в основу понятия «го-

¹⁶НАФТА (North American Free Trade Agreement, NAFTA) — Североамериканская зона свободной торговли.

сударственный альтерглобализм». Его распространение в регионе отразилось и в формировании межгосударственных союзов, таких как «Боливарианская альтернатива для народов Америки» (АЛБА¹⁷), которая в идеологическом плане строится на антилиберальных, антиамериканских и альтерглобалистских взглядах. В создании подобных объединений проявились альтернативные подходы государств Латинской Америки не только к глобализации, но и к региональной интеграции [Пятаков, 2018]. И хотя сегодня радикальный, особенно левый, альтерглобализм уходит с региональной политической повестки, оказанное им влияние на региональные процессы, в том числе на формирование интеграционных объединений, и его отражение уже в новом, правом популизме все еще сохраняются.

В целом начало нового политического цикла в Латинской Америке в последние годы (о чем речь пойдет далее) связано с более открытой международной повесткой, отказом от антиамериканизма и альтерглобалистской риторики левых сил, что неминуемо скажется и на активизации глобальной активности стран и объединений региона.

Таким образом, в 2000-е годы в ЛАКБ соотношение глобализационной активности и изоляционизма значительно сместилось в сторону последнего, что объясняется как новой ролью альтер- и антиглобализма и приходящего им на смену правого популизма, так и, прежде всего, неравномерностью распределения выгод от глобализации, однако в настоящее время на фоне смещения идеологических ориентаций государств региона рост их глобализационной активности представляется более вероятным.

Региональная мозаика: интеграция и дезинтеграция в Латинской Америке

Интеграция как второй мегатренд современной мировой политики в ЛАКБ является еще более интересным объектом анализа, так как начиная с запуска первой интеграционной инициативы в 1960-х годах регион накопил значительный опыт многостороннего регионального сотрудничества.

Исторически межгосударственные объединения в ЛАКБ опирались на два больших идейных проекта: панамериканский (государства Северной, Центральной и Южной Америки, связанные единой исторической, политической и экономической судьбой,

¹⁷ АЛБА (Alianza Bolivariana para los Pueblos de Nuestra América, ALBA) — Боливарианская альтернатива для народов Америки.

а также гегемонизмом США) и боливарианский (страны ЛАКБ, чья культура, политические и социальные модели отличаются от северной части региона). Провалившиеся Саммиты Америк, нацеленные на создание ФТАА, и вялые попытки оживления ОАГ, вошедшей в стадию системного кризиса на рубеже веков, свидетельствуют о маргинализации первого подхода. Напротив, формирование за последние три десятилетия нескольких субрегиональных групп в Южной Америке, форума СЕЛАК¹⁸ и макрорегиональных групп (УНАСУР и ПРОСУР¹⁹) говорит о популярности второго подхода.

Современный этап интеграции в Латинской Америке стартовал в начале 2000-х годов и был связан как с изменением политического ландшафта в регионе («левый поворот»), так и с глобальными геополитическими сдвигами: США ослабили свои позиции в ЛАКБ (активизировав свою внешнюю политику на Ближнем Востоке при Дж. Буше-мл. и осуществив «поворот в Азию» при Б. Обаме), возник вакуум влияния внутри региона, наблюдались ускоренный рост Бразилии и вовлеченность внешних игроков. На этом этапе произошло значительное расширение повестки дня латиноамериканской интеграции: от узкого экономического трека к сотрудничеству в сферах международной безопасности (например, создание Южноамериканского союза обороны УНАСУР), безопасности личности (решение проблем голода, безработицы, эпидемий, образования, обеспечение инклюзивности), борьбы с новыми вызовами (наркотрафик, терроризм, информационная безопасность и т.д.), проектах в области энергетики (в АЛБА), инфраструктуры (строительство магистралей в УНАСУР) и т.д. [Nolte, Comini, 2016; Riggiozzi, Grugel, 2015].

Современный этап интеграции в Латинской Америке характеризуется крайней противоречивостью.

Во-первых, стадия стабилизации, институционализации и макрорегиональной интеграции быстро сменилась дезинтеграцией и субрегионализацией — наблюдается бифуркация регионализма в ЛАКБ²⁰. С 2000 по 2012 г. в регионе сложились несколько интеграционных групп, которые дополнили мозаику старых объ-

¹⁸ СЕЛАК (Comunidad de Estados Latinoamericanos y Caribeños, CELAC) – Сообщество стран Латинской Америки и Карибского бассейна.

¹⁹ ПРОСУР (Foro para el Progreso de América del Sur, PROSUR) — Форум за прогресс и развитие Южной Америки.

²⁰ Arugay Aries A., Moreno G.X. Competing regionalisms? The role of the OAS and UNASUR in Bolivia's constitution-drafting process // IDEA Publications. 15.06.2014. Available at: <http://www.idea.int/resources/analysis/upload/The-Role-of-the-OAS-and-UNASUR-in-Bolivia-s-Constitution-drafting-process.pdf> (accessed: 01.02.2020).

единений (МЕРКОСУР, КАРИКОМ²¹, НАФТА, Андская группа и др.): появились СЕЛАК, УНАСУР, АЛБА, Тихоокеанский альянс. После 2012–2014 гг. сразу несколько интеграционных групп (АЛБА, УНАСУР) вступили в стадию кризиса, что было связано прежде всего с внутривластными изменениями («правый поворот») и кризисами (ситуация в Венесуэле, импичмент и политические перемены в Бразилии и др.)²². Это свидетельствовало об определяющей роли идеологии и политического фактора в формировании системы регионального управления в Латинской Америке на современном этапе, а также о сочетании элементов интеграции на субрегиональном и дезинтеграции на макрорегиональном уровнях.

Во-вторых, произошло ослабление географического начала в интеграции, которое очевидно преобладало ранее (КАРИКОМ — страны Карибского бассейна, МЕРКОСУР — Южного конуса, НАФТА — Северной Америки, Андская группа и т.д.), и усиление функционального принципа в интеграционном строительстве (либеральный Тихоокеанский альянс, левый АЛБА, нацеленный на обеспечение макрорегиональной безопасности УНАСУР и др.).

В-третьих, среди объединяющих факторов большую роль по-прежнему играют представления о цивилизационном единстве региона (боливарианский подход) в противовес панамериканизму. Однако и в этом направлении наблюдаются достаточно противоречивые тенденции. В 2000-е годы понимание цивилизационных и политических различий с США среди элит стран ЛАКБ усилилось, а нежелание интегрироваться с северным соседом было также связано с: 1) неприятием односторонних действий Вашингтона в международных отношениях; 2) выбором собственной, отличной от американских проектов интеграционной модели; 3) попытками региональных и субрегиональных лидеров региона выстраивать собственные кооперационные механизмы, обеспечивая себе таким образом организационный ресурс влияния в Латинской Америке.

Так, Бразилия не только инициировала масштабный проект, объединивший государства Южной Америки, но и стремилась заменить им функции ОАГ. В частности, именно УНАСУР стал основной организацией, которая занималась мирным урегулированием и ста-

²¹ КАРИКОМ (Caribbean Community, CARICOM) — Карибское сообщество.

²² Nolte D., Mijares V.M. La crisis de Unasur y la deconstrucción de Sudamérica // El Espectador. 23.04.2018. Available at: <https://www.researchgate.net/deref/https%3A%2F%2Fwww.elespectador.com%2Fnoticias%2Fel-mundo%2Fla-crisis-de-unasur-y-la-deconstruccion-de-sudamerica-articulo-751730> (accessed: 13.01.2020).

билизацией в регионе (в ходе кризисов в Эквадоре, Боливии, Венесуэле, Парагвае и др.)²³, оттеснив тем самым ОАГ [Кузнецов, 2015].

При этом следует отметить, что в последние годы наблюдается нарастающая эрозия того цивилизационного единства, которое было заложено в основу многосторонних проектов в регионе. Так, УНАСУР оказался в глубоком кризисе, под угрозу поставлено существование самого масштабного латиноамериканского объединения — СЕЛАК, в которое входят все государства макрорегиона, после заявлений президента Бразилии Ж. Болсонару в январе 2020 г. о возможном выходе из форума²⁴.

В-четвертых, латиноамериканский регионализм по-прежнему носит межправительственный, гибкий характер. Наднациональность по типу Европейского союза, которая считалась нормативной в регионе в 1990-е годы, осталась нереализованной. Межправительственный, преимущественно саммитовый формат стал отличительной чертой латиноамериканской интеграции. Лишь в редких случаях она продвинулась в формировании реально работающей сети институтов (например, в МЕРКОСУР). Это связано, в частности, с традиционным отношением государств Латинской Америки к суверенитету: он считается не просто высшей государственной ценностью (и поэтому не может быть делегирован в наднациональные институты), но и незыблемым принципом, который нельзя нарушить даже в рамках международных инициатив по «ответственному суверенитету» (что демонстрирует бразильская инициатива «Responsibility while protecting»²⁵). Интеграция, таким образом, рассматривается как институционализация межгосударственного взаимодействия, основанного на принципах консенсуса, а сотрудничество в сфере безопасности — не как юридически оформленная система коллективной безопасности, а как диалог для достижения взаимного доверия и обеспечения безопасности личности. Такой подход иногда называют «саусфальским» в противовес «вестфальскому», подчеркивая иной

²³Nolte D. Latin America's new regional architecture: A cooperative or segmented regional governance complex? // EUI RSCAS, 2014/89. Global Governance Programme-126. 2014. Available at: http://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/32595/RSCAS_2014_89.pdf?sequence=1 (accessed: 12.02.2020).

²⁴Brazil steps out from CELAC, because of its failure 'to protect democracy' // MercoNews. 17.01.2020. Available at: <https://en.mercopress.com/2020/01/17/brazil-steps-out-from-celac-because-of-its-failure-to-protect-democracy> (accessed: 12.02.2020).

²⁵Kenkel K.M. Brazil and the responsibility while protecting initiative // Oxford Research Group. 2016. Available at: <https://www.oxfordresearchgroup.org.uk/blog/brazil-and-the-responsibility-while-protecting-initiative> (accessed: 12.02.2020).

ценностный ряд в представлениях о безопасности в Латинской Америке и шире — в странах глобального Юга [Едаргис, 2016].

Наконец, все сказанное позволяет заключить, что интеграция в регионе критически зависима от внутривнутриполитических процессов. Наиболее ярко это проявилось в 2017–2019 гг. в случае с УНАСУР [Хейфец, Хадорич, 2019]. В результате нарастания противоречий между левыми режимами и государствами «правого поворота» сначала возникла проблема с выбором нового председателя союза, а затем на фоне углубления кризиса в Венесуэле большинство стран-участниц вышли из объединения, оставив в УНАСУР левые государства (включая Венесуэлу и Боливию) и создав в 2019 г. новый блок — ПРОСУР. «Правый поворот» в регионе имел несколько последствий: начали разрушаться созданные левыми интеграционные блоки (после снижения политического влияния левых и с началом экономического, а затем и политического кризиса в Венесуэле «болливарианская интеграция» в формате АЛБА фактически зашла в тупик); возникли новые политические противоречия, примером чего стали расхождения в позициях государств по отношению к политическому кризису в Венесуэле 2018–2019 гг.; большинство стран ЛАКБ развернулись в сторону сотрудничества (в том числе интеграции) с США.

Таким образом, если отталкиваться от методологии М.М. Лебедевой, то можно заключить, что к началу третьего десятилетия нынешнего века регион подошел с доминированием контртренда — дезинтеграции: кризисное состояние или распад региональных объединений, конкуренция подходов к базовым принципам интеграционных групп и низкая устойчивость многосторонних институтов перед внутривнутриполитическими изменениями в странах-участницах свидетельствуют скорее о формальном характере интеграции в ЛАКБ, при этом ее дальнейшие треки будут зависеть от способности действующих правительств выработать общую формулу интеграционизма в регионе, сосредоточенную на решении транснациональных вызовов и позволяющую переживать политические трансформации на национальном уровне. Так или иначе, опыт интеграции в Латинской Америке продемонстрировал, что именно интеграционные процессы здесь исторически обуславливали стабильность межгосударственных связей и саму возможность преодоления общерегиональных проблем и угроз, решение которых ввиду их взаимосвязанности возможно лишь на кооперационной и многосторонней основе.

Латиноамериканские «повороты»: маятник демократизации и дедемократизации

Наконец, третьим рассматриваемым мегатрендом является демократизация. Под этим явлением мировой политики понимается не только увеличение количества государств с демократической формой правления, но и устойчивый рост участников (акторов) международных отношений и многосторонних переговорных практик [Мегатренды мировой политики и их развитие в XXI веке, 2019].

В результате изменения структуры латиноамериканских обществ с расширением среднего класса, снижения социальной поддержки авторитарных, военных режимов, а также на фоне демократических трансформаций в Испании и Португалии, оказавших своеобразный демонстрационный эффект [Мадатов, 2008], в конце XX в. Латинская Америка вступила на путь демократизации. С точки зрения теории демократизации С. Хантингтона происходившие тогда процессы в ЛАКБ можно рассматривать в качестве примера третьей волны с такими свойственными ей особенностями, как гибридный, формальный характер демократизации [McCoу, 2008]. Важным фактором стало наличие опыта демократического правления. В странах, где такой опыт был, например в Чили, демократизация проходила быстрее и консолидация демократии требовала незначительного времени. В исторически авторитарных государствах, таких как Боливия и Парагвай, этот процесс затормозился и быстро перешел в стадию умеренного отката. Куба осталась незатронутой данной волной, а Венесуэла вернулась к жесткому авторитаризму [Jiang Shixue, 2010]. Ярким примером отхода от демократизации может выступать также военный государственный переворот в Гондурасе в 2009 г.

Латинская Америка демонстрирует любопытный пример сосуществования нескольких политических культур. С одной стороны, это традиционализм со свойственными ему коллективизмом, лояльностью власти, высокой степенью бюрократизации и патрон-клиентских связей [Waisbord, 1998], рожденный из сплава автохтонно-индейской, иберо-европейской и африканской культур. С другой стороны, это растущее политическое участие, конституционная смена политико-идеологической ориентации (например, носящие мирный характер «левый» и «правый повороты») и новая политическая ответственность, что продемонстрировали, в частности, импичменты в Бразилии. Такое переплетение отражается и в общественном мнении относительно успехов демократии. Так, по результатам опросов, с 2009 г. в регионе наблюдаются устойчивый рост недовольства демократической формой общественного устройства (с 51% в 2009 г.

до 71% в 2018 г.) и снижение степени удовлетворенности демократическими процедурами (с 44% в 2009 г. до 24% в 2018 г.). При этом, по опросам, наибольшая поддержка демократии отмечается в Уругвае, Коста-Рике и Чили, наименьшая — в Бразилии, Перу и Сальвадоре. Наиболее предпочтительной формой правления назвали демократию в 2018 г. 48% латиноамериканцев (61% — в 2010 г.). Поддержка авторитарной формы остается стабильной на уровне 13–17% с 1995 г., а количество тех, кто называет свою позицию индифферентной, выросло с 16% в 2010 г. до 28% в 2018 г.²⁶

Негативными факторами, сказывающимися на качестве демократизации и ее восприятии, также являются популизм и клиентелизм, всеохватывающая коррупция, политическое влияние наркокартелей, криминализация общества, эрозия прежде устойчивых политических систем, поляризация электората, слабое гражданское общество [Окунева, 2016].

Что касается многосторонних практик, то механизмы защиты демократии были выработаны в нескольких межгосударственных объединениях, включая МЕРКОСУР и УНАСУР. В рамках последнего был подписан составлен специальный «Дополнительный протокол о приверженности демократии», в соответствии с которым организации предписывалось приостанавливать членство государств, где нарушался демократический строй, а сами члены должны были принимать меры по устранению угрозы демократии, будь то военный переворот или иное другое событие²⁷. Основные принципы, на основе которых функционируют многосторонние организации и форумы в регионе, — главенство международного права, руководящая роль ООН, непреложность суверенитета и нерушимость границ [Мартынов, 2015].

Особый интерес, однако, представляют проявления архаизации или дедемократизации в ЛАКБ, усилившиеся в последние годы. Наиболее ярко соотношение процессов демократизации и дедемократизации в Латинской Америке характеризует специфический для этого региона феномен «поворотов» – левого, охватившего ЛАКБ на рубеже веков, и правого, начавшегося в 2014–2016 гг. «Левый поворот» оказался колоссальным по своему масштабу, втянув Аргентину,

²⁶ Estudio de opinión pública // Latinobarómetro. 2017. Available at: <http://www.latinobarometro.org/lat.jsp> (accessed: 15.02.2020).

²⁷ Protocolo Adicional al Tratado Constitutivo de UNASUR sobre Compromiso con la Democracia // Colombia Government Portal. Available at: <https://www.cancilleria.gov.co/sites/default/files/protocolo-adicional-al-tratado-constitutivo-unasur-sobre-compromiso-c.pdf> (accessed: 14.01.2020).

Боливию, Бразилию, Венесуэлу, Коста-Рику, Никарагуа, Чили, Панаму, Перу, Уругвай и Эквадор. Важно, однако, что установившиеся режимы не были однотипными и разделялись исследователями на несколько категорий: 1) левоцентристские, близкие к европейскому социал-демократизму, опиравшиеся на средний класс и рыночные механизмы и не исповедавшие антиглобалистские и антиимпериалистские идеи (Чили, Уругвай, Коста-Рика); 2) леворадикальные, создававшие альтернативу рыночной экономике и опиравшиеся в популистской риторике на антиамериканизм и антиимпериализм (Венесуэла, Боливия, Эквадор); 3) государства социальной политики, неодесарролисты – те, кто сохранял рыночные и демократические институты, усиливал государственное присутствие в экономике, ориентируя ее на масштабные социальные программы (Бразилия и Аргентина) [Окунева, 2009; Давыдов, 2007]. Левым удалось преодолеть асимметрии существующих экономических моделей, вывести из-за черты бедности десятки миллионов человек и сформировать в регионе новое пространство безопасности и систему регионального управления, основанную на принципе безопасности личности.

Однако в результате глобальных потрясений конца 2000-х годов, а также внутренних кризисов левые правительства теряли свою поддержку. Для одних это было связано с множеством политических и коррупционных скандалов (Бразилия), для других — с зависимостью от энергетического сектора и внешней обстановкой (Венесуэла), для третьих — с ограничением доступа к политическому участию (Боливия) и т.д. С 2014–2016 гг. в среде исследователей-латиноамериканистов был предложен термин «правый поворот», описывающий смену политических ориентаций в регионе [Yang, 2018].

Перестановка сил отразилась и на международно-политическом ландшафте: как уже было отмечено, стали размываться созданные ранее региональные переговорные площадки, утрачиваться идеологическая солидарность. Последний фактор прослеживается, например, в том, что попытки государственных переворотов (в Венесуэле и Боливии в 2019 г.) уже не рассматриваются новыми политическими элитами как нарушение демократических принципов и стабильности (как это было в случае солидарного осуждения странами ЛАКБ переворота в Парагвае в 2012 г. и даже приостановления его участия в МЕРКОСУР²⁸). В настоящее время происходит идеоло-

²⁸ Decisión sobre la suspensión del Paraguay en el MERCOSUR en aplicación del Protocolo de Ushuaia sobre Compromiso Democrático // MERCOSUR. Available at: www.mercosur.int/pt-br/document (accessed: 12.01.2020).

гический раскол, так как представления о сущности демократии и ее обеспеченности региональными коллективными механизмами, прежде всего между правыми и левыми политическими силами, расходятся. Да и сами массовые протесты (в Колумбии, Венесуэле, Боливии, Чили и др.) выходят в регионе на новый виток, продиктованный усиливающейся социальной поляризацией, неэффективными социально-экономическими моделями, попытками элит удержать политическую власть любыми способами. Нарастание протестной волны продолжает угрожать дестабилизацией региональной международно-политической ситуации.

В контексте дедемократизации необходимо также отметить рост популярности в регионе таких в разной степени радикальных течений, как анархизм, марксизм-ленинизм, троцкизм, левый индеанизм, неосапатизм, радикальный боливарианизм²⁹ и др. И хотя был достигнут прогресс в переговорах правительства Колумбии с повстанцами ФАРК³⁰, решить проблему радикальных движений, которые представляют собой наиболее влиятельный фактор архаизации в регионе, влекущий одновременно проблемы и наркоторговли, и организованной преступности, и терроризма, окончательно не удастся [Мартынов, 2015]. Такая популярность радикальных идей связана с сохранением острых социальных проблем: нищеты, голода, криминализации, маргинализации целых слоев населения, становящихся легко подверженными как политическому популизму, так и идеологии радикальных, повстанческих движений [de la Torre, 2017].

²⁹ Спектр радикальных латиноамериканских движений довольно широк с точки зрения их идеологий. Анархизм, марксизм-ленинизм и троцкизм были унаследованы из европейской политики еще первой половины XX в. и остаются популярными среди по большей части молодежных радикальных групп. *Индеанизм* тоже имеет глубокие исторические корни и представляет собой социально-политическое течение, отстаивающее право индейского населения на самоопределение и акцентирующее нерешенность «индейского вопроса» – социальной депривации и маргинализации коренных народов. *Сапатизм* получил развитие в 1990-е годы в Мексике, опираясь в основном на бедные слои населения, прежде всего индейцев-крестьян. Сапатисты выступили против либеральных реформ, ратификации договора о создании НАФТА и, ведя подпольную незаконную деятельность, распространяли свою идеологию среди бедных слоев населения, призывая к революции. В 2000-е годы лидеры неосапатистского движения перешли к умеренной программе борьбы за права коренных народов, организовав Межконтинентальные встречи коренных народов и развивая антиглобалистский дискурс. *Радикальный боливарианизм*, к представителям которого относят и Уго Чавеса, ассоциируется с антиимпериализмом, антиглобализмом, антиамериканизмом, а также с политикой автаркии.

³⁰ ФАРК (Fuerzas Armadas Revolucionarias de Colombia, FARC) — Революционные вооруженные силы Колумбии.

Дедемократизация в ЛАКБ проявляется, таким образом, в 1) невозможности формирования активного гражданского общества и — в ряде случаев — консолидации демократических практик; 2) неустойчивости и неэффективности многосторонних институтов в регионе (что, опять-таки, способствует дезинтеграции); 3) изоляционистских тенденциях на национальном уровне. Возможность усиления демократизации региональной политики в Латинской Америке будет зависеть во многом от успеха в преодолении именно этих проблем.

Сценарии регионального развития в Латинской Америке

Как было указано в начале статьи, выбранный подход к выделению ключевых мирополитических мегатрендов позволяет, опираясь на их соотношение и взаимовлияние, предлагать прогнозы дальнейшего развития региона. Исходя из рассмотренных особенностей преломления глобализационных, интеграционных и демократических тенденций в ЛАКБ, можно выстроить несколько таких сценариев.

Первый может быть обозначен как «Союз трех Америк». Развитие ситуации в этом ключе подразумевает институциональное объединение Северной, Центральной и Южной Америки, т.е. преобладание панамериканского подхода к интеграции в регионе. Во-первых, это может быть связано с последствиями «правого поворота» и прихода к власти сил, позитивно воспринимающих опыт сотрудничества с США, лишенных антиамериканской риторики и нацеленных на поиск новых стимулов роста. Во-вторых, в реализации данного сценария многое зависит от политики самих Соединенных Штатов, их готовности рассматривать Латинскую Америку в качестве равного партнера. Возможны как оживление ОАГ, еще не растерявшей потенциал влияния и углубления сотрудничества, так и усиление торгово-экономического взаимодействия через возобновление переговоров о ФТАА. Основные препятствия для данного сценария — это выросшие амбиции региональных и субрегиональных лидеров ЛАКБ и зависимость от курса предыдущих правительств, нацеленных на интеграцию без участия США и Канады, а также политика Вашингтона в регионе. Наиболее утопичным вариантом развития сценария могло бы стать формирование системы коллективной безопасности в Западном полушарии — некоторое подобие НАТО в этой части света. Более вероятный вариант — постепенная институционализация экономического сотрудничества через расширение сети как двусторонних, так и многосторонних зон свободной торговли с США. Двигателем этого процесса могут выступить Тихоокеанский

альянс и опыт его членов по диалогу с «северным соседом» в рамках Транстихоокеанского партнерства. В этом случае интеграция носила бы макрорегиональный характер. Глобализация обеспечила бы странам ЛАКБ новые возможности по встраиванию в глобальную экономику, но при этом обнажила бы проблемы, связанные с низкой конкурентоспособностью довольно слабых экономик региона. Сотрудничество в рамках ОАГ и наращивание международных усилий по защите демократических ценностей, хотя и могло бы способствовать консолидации демократий в Латинской Америке, при этом усилило бы антиглобалистские и антиамериканские движения, в том числе радикального толка.

Второй сценарий — «новый боливарианизм» — подразумевает цивилизационное обособление региона в рамках крупных интеграционных структур, объединяющих пространство ЛАКБ. Наличие специфических проблем и вызовов, опыт последних десятилетий по встраиванию собственной системы регионального управления, исторические и культурные факторы, а также неприятие внешнеполитических акций США могут способствовать развитию именно этого сценария. Наименее вероятным его вариантом является создание относительно жестких институтов сотрудничества на всем пространстве ЛАКБ (например, институционализация СЕЛАК или появление нового объединения). Более реальными видятся расширение и углубление взаимодействия в рамках ПРОСУР. Это потребует от государств региона большей готовности к развитию межгосударственных (возможно, и наднациональных) структур, оформлению юридических обязательств, в том числе в сфере безопасности, а также к созданию реально работающей системы принятия решений и их коллективного исполнения. Последнее условие представляется наиболее важным, так как на всех этапах региональной интеграции в ЛАКБ гораздо чаще формировались неустойчивые и малоэффективные объединения. «Новый боливарианизм» означает новую идеологию латиноамериканского партнерства, основанного больше на прагматическом сотрудничестве, нежели на политико-идеологических ориентациях. Именно это способно обеспечить стабильность макрорегиональной интеграции в ЛАКБ. Кроме того, реализуемость такого прогноза будет зависеть от способности Бразилии выступать в качестве региональной державы: брать на себя инициативу в деле регионостроительства и договариваться с субрегиональными лидерами. Ослабление УНАСУР и АЛБА (на фоне внутреннего кризиса в Венесуэле) может привести к выбору прагматичной модели кооперации, а уже имеющийся опыт сотрудничества в больших

макрорегиональных группах (УНАСУР, СЕЛАК) — сыграть конструктивную роль в формировании новой большой региональной организации. Латинской Америке придется и дальше бороться за преодоление периферийности в условиях глобализации, но при этом появление новой макрорегиональной интеграционной структуры (на базе ПРОСУР или принципиально новой) создаст дополнительные стимулы роста, а демократизация в регионе будет обеспечиваться в том числе многосторонними механизмами поддержки демократии, которые уже сложились и в МЕРКОСУР, и в УНАСУР.

Третий сценарий — «Субамериканизация». В действительности он представляет собой продолжение линейного развития нынешних трендов в регионе. Это вариант международно-политической хаотизации по-латиноамерикански, связанной с дальнейшим дроблением ЛАКБ на субрегиональные объединения, сформированные географически и функционально, стянутые вокруг субрегиональных лидеров или различных моделей развития (многие из таких объединений окажутся, как и ранее, временными и малоэффективными блоками). Это создание сложной институциональной мозаики, более калейдоскопичной, чем та, что сложилась в регионе в начале XXI в. При таком сценарии ПРОСУР не сможет сформировать работающий механизм, так как изначально закладывает антагонизм и разделительные линии с государствами, сохранившими членство в УНАСУР. Регион продолжит дробиться на группы тех, кто является сторонниками панамериканской и — шире — трансрегиональной интеграции (вероятно, страны Тихоокеанского побережья и Мексика), тех, кто предпочтет боливарианский подход (в этом стане могут оказаться Венесуэла, Парагвай, Бразилия и др.), а также тех, кто будет стремиться создавать объединения, обеспечивающие им региональное влияние. Такая субрегионализация будет и дальше размывать латиноамериканскую идентичность, сформирует новые противоречия торгового и политического характера, обеспечит в регионе разношерстность политических режимов и плюрализм социально-экономических моделей развития. Всё это создаст неравные возможности для стран региона для участия в глобализации, мировом разделении труда, конкуренции, может усилить протестную волну в наиболее влиятельных государствах ЛАКБ. При этом интеграция будет протекать на субрегиональном уровне, не позволяя странам выравнивать региональные диспропорции и решать актуальные задачи. Сценарий «Субамериканизация» является наиболее вероятным, однако его реальные последствия имеют и наиболее деструктивный потенциал для стабильности и развития в ЛАКБ.

Анализ преломления ключевых современных мирополитических мегатрендов в регионе Латинской Америки и Карибского бассейна, а также обозначение наиболее вероятных сценариев его развития, выстроенных в соответствии с логикой взаимовлияния и соотношения рассмотренных тенденций, подтверждают гипотезу о том, что в настоящий момент преобладают именно контртренды, связанные с изоляционизмом, дезинтеграционными процессами и снижением демократичности в международных отношениях, глобальном и региональном управлении. Применение избранной методологии к региональным процессам в Латинской Америке, вместе с тем, позволяет сделать вывод о нелинейном характере мегатрендов, их сложном переплетении и влиянии не только на структуру глобальной системы международных отношений, но также на региональные подсистемы и, более того, на политические системы отдельных государств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Атаев М. Латинская Америка в фокусе интересов ведущих мировых держав // *Власть*. 2012. № 4. С. 180–182.
2. Голубев К. Особенности российского антиглобализма // *Международные процессы*. 2006. Т. 4. № 11. С. 112–118.
3. Давыдов В.М. Беспрецедентный сдвиг в политическом ландшафте региона // *Латинская Америка*. 2007. № 7. С. 19–25.
4. Едгаргис А.А. Военно-политическое сотрудничество в рамках УНАСУР // *Ибероамериканские тетради*. 2016. № 4. С. 83–87.
5. Кузнецов Д.А. Латиноамериканская интеграция и субрегионализация на современном этапе: политико-идеологическое измерение // *Сравнительная политика*. 2015. № 3. С. 65–84. DOI: 10.18611/2221-3279-2015-6-3(20)-65-84.
6. *Латинская Америка в современной мировой политике* / Отв. ред. В.М. Давыдов. М.: Наука, 2009.
7. Лебедева М.М. Современные мегатренды мировой политики // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63. № 9. С. 29–37. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-9-29-37.
8. Мадатов А.С. Региональные особенности демократизации: демократические транзиты и проблемы консолидации демократии в Латинской Америке // *Вестник РУДН. Серия: Политология*. 2008. № 2. С. 5–19.
9. Мартынов Б.Ф. «Запад» и «не-Запад»: прошлое, настоящее... будущее? М.: ИЛА РАН, 2015.
10. *Мегатренды мировой политики и их развитие в XXI веке* / Под ред. М.М. Лебедевой. М.: Аспект Пресс, 2019.
11. *Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке* / Под ред. Т.А. Шаклеиной, А.А. Байкова. М.: Аспект Пресс, 2014.

12. Окунева Л.С. «Левый поворот» и демократия в Латинской Америке // *Международные процессы*. 2009. № 1. С. 43–53.
13. Окунева Л.С. Политическая модернизация в странах Латинской Америки // *Практика зарубежного регионоведения и мировой политики* / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: ИНФРА-М, 2016. С. 116–122.
14. Охеда Кальюни Э. Экономические реформы и модель социально ориентированного развития в Латинской Америке: Дисс. ... канд. экон. наук. М., 2007.
15. Пятаков А.Н. Латиноамериканская грань мирового альтерглобализма: итоги и перспективы развития // *Свободная мысль*. 2007. № 7. С. 56–64.
16. Пятаков А.Н. Латиноамериканские подходы к проблеме глобализации. Взгляд сквозь XXI век // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. Т. 62. № 1. С. 85–93. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-1-85-93.
17. Розов Н.С. Структура цивилизации и тенденции мирового развития. Новосибирск: НГУ, 1992.
18. Сударев В.П. Латинская Америка перед новыми глобальными вызовами // *Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития* / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. М.: Аспект Пресс, 2016. С. 444–460.
19. Хейфец В., Хадорич Л. Союз южноамериканских наций: туманные перспективы // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63. № 2. С. 85–93. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-2-85-93.
20. Allahar H. Major global megatrends: Implications for advanced and emerging countries // *Journal of Management*. 2014. Vol. 2. No. 8. P. 1–18.
21. Frank A.G. Capitalism and underdevelopment in Latin America: Historical studies of Chile and Brazil. New York: Monthly Review Press, 1967.
22. *The geography of the peace* / Ed. by H. Spykman. New York: Harcourt Brace & Co., 1944.
23. Haslam P.A. Globalization in Latin America and its critics // *International Studies Review*. 2012. Vol. 14. No. 2. P. 331–339.
24. Jiang Shixue. Latin American politics after the ‘third wave’ of democratization and its future prospects // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2010. Vol. 2. No. 5. P. 6764–6771. DOI: 10.1016/j.sbspro.2010.05.022.
25. *Latin America at a crossroads* / Ed. by A. Mori, L. Zanatta. Milano: Ledizioni, 2017.
26. McCoy J.L. Democratic transformation in Latin America // *The Whitehead Journal of Diplomacy and International Relations*. 2008. Winter/Spring. P. 19–29.
27. Myers M. China’s Belt and Road initiative: What role for Latin America? // *Journal of Latin American Geography*. 2018. Vol. 17. No. 2. P. 239–243. DOI: 10.1353/lag.2018.0037.
28. Naisbitt J. *Megatrends: Ten new directions transforming our lives*. Brantford: W. Ross Macdonald School, 1988.
29. Nolte D., Comini N.M. UNASUR: Regional pluralism as a strategic outcome // *Contexto Internacional*. 2016. Vol. 38. No. 2. P. 545–565.

30. Riggirozzi P., Grugel J. Regional governance and legitimacy in South America: The meaning of UNASUR // *International Affairs*. 2015. Vol. 91. No. 4. P. 781–797. DOI: 10.1111/1468-2346.12340.

31. Rostow W.W. *The stages of economic growth: A non-communist manifesto*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.

32. Theodore J.D. The process of globalization in Latin America // *International Business & Economics Research Journal*. 2015. Vol. 14. No. 1. P. 193–198. DOI: 10.19030/iber.v14i1.9044.

33. Torre de la C. Populism in Latin America // *The Oxford handbook of populism* / Ed. by C. Rovira Kaltwasser, P. Taggart, P. Ochoa Espejo, P. Ostiguy. Oxford: Oxford University Press, 2017. P. 195–213.

34. Waisbord S. When the cart of media is before the horse of identity: A critique of technology-centered views on globalization // *Communication Research*. 1998. Vol. 25. P. 377–398.

35. Wallerstein I. *World-systems analysis: An introduction*. Durham: Duke University Press, 2004.

36. Yang J. Political pendulum of ‘left’ and ‘right’ phenomenon in Latin American politics // *Journal of Latin American Studies*. 2018. Vol. 40. No. 1. P. 82–99.

D.A. Kuznetsov

LATIN AMERICA IN THE 21ST CENTURY: REGIONAL DEVELOPMENT TRAJECTORIES

*Moscow State Institute for International Relations (University)
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454*

Latin America and the Caribbean region (LAC), which includes more than thirty countries, is traditionally characterized by a complex combination of elements of homogeneity and heterogeneity. The latter, stemming from traditional economic social and political differentiation and ideological polarization, in the modern context strengthens regional contradictions and creates new division lines. At the same time, the turn of the 20th and 21st centuries was marked by a growing integration of the region into the global market and globalization processes in general. In order to provide an outlook on the possible future developments in LAC, the author examines how the key trends of the current world politics permeate the region. The theoretical framework of the paper is based on the methodology proposed by the Russian researcher M.M. Lebedeva who outlines three basic megatrends — globalization, integration, and democratization and their counter-trends — deglobalization, disintegration, and dedemocratization, accordingly. It is within this broader context of a complex interplay of these trends and counter-trends, that the dynamics of regional processes in LAC is conceived. On this basis, the author identifies three possible regional development scenarios. The first one

presupposes strengthening of institutional linkages between North, Central, and South America on the basis of Pan-American ideas. The second implies civilizational 'isolation' of LAC within large but still only regional integration projects. Finally, the third scenario proceeds from the linear development of the current regional trends. It implies further fragmentation of LAC within subregional organizations and chaotization of regional international relations. The author concludes that currently the regional development is affected predominantly by counter-trends, which are evidenced by increasing isolationism, an impasse facing major integration projects and democratic institutions, and the growth of populist movements. At the same time, all this shows that Latin America is fully integrated in global economic and political processes since these counter-trends characterize the development of a contemporary system of international relations in general.

Keywords: Latin America and the Caribbean, megatrends, globalization, integration, democratization, deglobalization, alterglobalism, populism, regionalism, left turn, right turn, PROSUR, UNASUR, MERCOSUR, ALBA.

About the author: *Denis A. Kuznetsov* — Lecturer at the Department of World Political Processes, Research Fellow at the Center for Comprehensive Chinese Studies and Regional Projects, MGIMO University (e-mail: kuznetsov.d.a@my.mgimo.ru).

REFERENCES

1. Ataev M. 2012. Latinskaya Amerika v fokuse interesov vedushchikh mirovykh derzhav [Latin America in the focus of interests of leading world powers]. *Vlast'*, no. 4, pp. 180–182. (In Russ.)
2. Golubev K. 2006. Osobennosti rossiiskogo antiglobalizma [Specifics of Russian antiglobalism]. *International trends*, vol. 4, no. 11, pp. 112–118. (In Russ.)
3. Davydov V.M. 2007. Bespretsedentnii sdvig v politicheskom landshafte regiona [An unprecedented shift in the political landscape of the region]. *Latinskaya Amerika*, no. 7, pp. 19–25. (In Russ.)
4. Edargis A.A. 2016. Voenno-politicheskoe sotrudnichestvo v ramkakh UNASUR [Political and military cooperation in the margins of UNASUR]. *Iberoamerican notes*, no. 4, pp. 83–87. (In Russ.)
5. Kuznetsov D.A. 2015. Latinoamerikanskaya integratsiya i subregionalizatsiya na sovremennom etape: politiko-ideologicheskoe izmerenie [Latin American integration and sub-regionalization: Political and ideological dimension]. *Comparative Politics Russia*, no. 3, pp. 65–84. DOI: 10.18611/2221-3279-2015-6-3(20)-65-84. (In Russ.)
6. Davydov V.M. (ed.). 2009. *Latinskaya Amerika v sovremennoi mirovoi politike* [Latin America in contemporary world politics]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)
7. Lebedeva M.M. 2019. Sovremennye megatrendy mirovoi politiki [Modern megatrends of world politics]. *World Economy and International Relations*, vol. 63, no. 9, pp. 29–37. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-9-29-37. (In Russ.)

8. Madatov A.S. 2008. Regional'nye osobennosti demokratizatsii: demokraticheskie tranzity i problemy konsolidatsii demokratii v Latinskoj Amerike [Regional particularities of democratization: Democratic transitions and the problems of the consolidation of democracy in Latin America]. *Vestnik RUDN, seriya Politologiya*, no. 2, pp. 5–19. (In Russ.)

9. Martynov B.F. 2015. 'Zapad' i 'ne-Zapad': *proshloe, nastoyashchee... budushchee?* ['West' and 'non-West': Past, present... future?]. Moscow, ILA RAN Publ. (In Russ.)

10. Lebedeva M.M. (ed.). 2019. *Megatrendy mirovoi politiki i ikh razvitie v XXI veke* [Megatrends of world politics and their development in the 21st century]. Moscow, Aspekt Press Publ. (In Russ.)

11. Shakleina T.A., Baykov A.A. (eds.). 2014. *Megatrendy. Osnovnye traektorii evolyutsii mirovogo poryadka v XXI veke* [Megatrends. The main development trajectories of the world order in the 21st century]. Moscow, Aspekt Press Publ. (In Russ.)

12. Okuneva L.S. 2009. 'Levyi povorot' i demokratiya v Latinskoj Amerike [The 'left turn' and democracy in Latin America]. *International trends*, no. 1, pp. 43–53. (In Russ.)

13. Okuneva L.S. 2016. Politicheskaya modernizatsiya v stranakh Latinskoj Ameriki [Political modernization in Latin America]. In Voskresenskii A.D. (ed.). *Praktika zarubezhnogo regionovedeniya i mirovoi politiki* [The practice of regional studies and world politics]. Moscow, INFRA-M Publ., pp. 116–122. (In Russ.)

14. Okheda Kal'yuni E. 2007. *Ekonomicheskie reformy i model' sotsial'no orientirovannogo razvitiya v Latinskoj Amerike* [Economic reforms and the model of people-centred development in Latin America]. PhD (Economics) Dissertation. Moscow. (In Russ.)

15. Pyatakov A.N. 2007. Latinoamerikanskaya gran' mirovogo al'terglobalizma: itogi i perspektivy razvitiya [Latin American facet of world alter globalization: Results and development prospects]. *Svobodnaya mysl'*, no. 7, pp. 56–64. (In Russ.)

16. Pyatakov A.N. 2018. Latinoamerikanskije podkhody k probleme globalizatsii. Vzgl'yad skvoz' XXI vek [Latin American approaches to globalization problem. A look through the 21st century]. *World Economy and International Relations*, vol. 62, no. 1, pp. 85–93. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-1-85-93. (In Russ.)

17. Rozov N.S. 1992. *Struktura tsivilizatsii i tendentsii mirovogo razvitiya* [The structure of civilization and global development trends]. Novosibirsk. (In Russ.)

18. Sudarev V.P. 2016. Latinskaya Amerika pered novymi global'nymi vyzovami [Latin America facing new global challenges]. In Gaman-Golutvina O.V. (ed.). *Politicheskaya nauka pered vyzovami global'nogo i regional'nogo razvitiya* [Political science facing the challenges of global and regional development]. Moscow, Aspekt Press Publ., pp. 444–460. (In Russ.)

19. Kheifets V., Khadorich L. 2019. Soyuz yuzhnoamerikanskikh natsii: tumannye perspektivy [Union of South American Nations: Clouded prospects].

World Economy and International Relations, vol. 63, no. 2, pp. 85–93. DOI: 10.20542 / 0131-2227-2019-63-2-85-93. (In Russ.)

20. Allahar H. 2014. Major global megatrends: Implications for advanced and emerging countries. *Journal of Management*, vol. 2, no. 8, pp. 1–18.

21. Frank A.G. 1967. *Capitalism and underdevelopment in Latin America: Historical studies of Chile and Brazil*. New York, Monthly Review Press.

22. Spykman H. (ed.). 1944. *The geography of the peace*. New York, Harcourt Brace & Co.

23. Haslam P.A. 2012. Globalization in Latin America and its critics. *International Studies Review*, vol. 14, no. 2, pp. 331–339.

24. Jiang Shixue. 2010. Latin American politics after the ‘third wave’ of democratization and its future prospects. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, vol. 2, no. 5, pp. 6764–6771. DOI: 10.1016/j.sbspro.2010.05.022.

25. Mori A., Zanatta L. (eds.). 2017. *Latin America at a crossroads*. Milano, Ledizioni.

26. McCoy J.L. 2008. Democratic transformation in Latin America. *The Whitehead Journal of Diplomacy and International Relations*, Winter/Spring, pp. 19–29.

27. Myers M. 2018. China’s Belt and Road initiative: What role for Latin America? *Journal of Latin American Geography*, vol. 17, no. 2, pp. 239–243. DOI: 10.1353/lag.2018.0037.

28. Naisbitt J. 1988. *Megatrends: Ten new directions transforming our lives*. Brantford, W. Ross Macdonald School.

29. Nolte D., Comini N.M. 2016. UNASUR: Regional pluralism as a strategic outcome. *Contexto Internacional*, vol. 38, no. 2, pp. 545–565.

30. Riggiozzi P., Grugel J. 2015. Regional governance and legitimacy in South America: The meaning of UNASUR. *International Affairs*, vol. 91, no. 4, pp. 781–797. DOI: 10.1111/1468-2346.12340.

31. Rostow W.W. 1991. *The stages of economic growth: A non-communist manifesto*. Cambridge, Cambridge University Press.

32. Theodore J.D. 2015. The process of globalization in Latin America. *International Business & Economics Research Journal*, vol. 14, no. 1, pp. 193–198. DOI: 10.19030/iber.v14i1.9044.

33. Torre de la C. 2017. Populism in Latin America. In Rovira Kaltwasser C., Taggart P., Ochoa Espejo P., Ostiguy P. (eds.). *The Oxford handbook of populism*. Oxford, Oxford University Press, pp. 195–213.

34. Waisbord S. 1998. When the cart of media is before the horse of identity: A critique of technology-centered views on globalization. *Communication Research*, vol. 25, pp. 377–398.

35. Wallerstein I. 2004. *World-systems analysis: An introduction*. Durham, Duke University Press.

36. Yang J. 2018. Political pendulum of ‘left’ and ‘right’ phenomenon in Latin American politics. *Journal of Latin American Studies*, vol. 40, no. 1, pp. 82–99.